

Настоящее издание подготовлено для заседания
общества "СТАРАЯ МОСКВА"

к столетию со дня рождения
Михаила Михайловича
Шмелева

104-е (568-е) заседание
26 ноября 1998 года

в Государственной Публичной
Исторической библиотеке

А.В.Буторов

**Михаил Михайлович
ШМЕЛЕВ**

страницы жизни

педагога, историка Москвы,
человека

- педагог-краевед, исследователь и пропагандист истории Москвы и Московского региона. Родился 13 ноября 1898 года в г.Саратове в семье почтового служащего. Учился в различных учебных заведениях Саратова, Вольска. Во Владимире закончил реальное училище в 1916 г. В том же году поступил на историко-филологическое отделение Московского императорского, позднее 1-го московского университета, который окончил в 1922 г. Был участником октябрьских боев в Москве в октябре 1917 г. Одновременно с учебой работал на различных должностях в учреждениях Москвы. С начала 1920-х годов и до конца жизни проживал по адресу: Новая Басманная ул, д.31 кв. 11. В 1927 г. окончил вечерний географический факультет университета, а в 1931 - факультет естествознания и Высшие педагогические курсы. В эти же годы занимался в одной из студий Художественного театра (предположительно первой).

В 20-30-х годах М.М.Шмелев работал в ряде школ города (49,175, 174, 587, 588). Был активным членом московского отделения Общества пролетарского туризма и экскурсий. (ОПТЭ СССР), Общества Изучения русской усадьбы, общества "Старая Москва".

В годы Великой Отечественной войны участвовал в военных действиях в составе Фрунзенской районной дивизии народного ополчения, в войсках связи. Был ранен. Награжден рядом боевых наград.

После войны работал в 313 школе Куйбышевского и 425 школе Сталинского (Первомайского) района. Под его руководством учащимися 425-й школы был создан и в 1961 г. накануне XXII съезда КПСС подарен Первомайскому району историко-краеведческий музей, который позднее стал народным краеведческим музеем Первомайского, Куйбышевского и Бауманского районов г.Москвы. Длительное время этот музей был центром культурно-просветительной работы среди населения этих районов. В качестве директора музея М.М.Шмелев оказывал методическую помощь народным краеведческим музеям Москвы и Московского региона. (В настоящее время экспозиция музея свернута и он лишен здания на площади Журавлева (Введенской))

М.М.Шмелев был зачинателем детской экскурсионной и историко-краеведческой массовой работы среди учащихся и педагогов Москвы и Подмосковья. Им было прочитано несколько тысяч лекций, посвященных истории Москвы и Подмосковья в самых разнообразных аудиториях

В 1921 году М.М.Шмелев создал клуб учителей туристов-краеведов, который с 1961 года носит имя А.Ф.Родина, чей учительский краеведческий семинар Московского городского Дома Учителя вошел в состав клуба, действующего по сию пору. Постановлением СМ РСФСР он был введен в состав оргкомитета по организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, принимал активное участие в его организационном съезде, работе секций и комиссий. В 1979 г. из состава ВООПИиК вышел.

В силу ряда обстоятельств М.М.Шмелев не имел возможности печататься, почему основная часть его работы по изучению истории Москвы была сосредоточена на устных формах пропаганды, воспитания будущих поколений историков города. Скончался 9 ноября 1982 года в Москве. Похоронен на Введенском кладбище, участок 22, могила 1330.

Архив находится в музее истории педагогического труда (Москва).

О т а в т о р а

В жизни каждого человека бывают встречи, которые определяют его дальнейшую судьбу. Для многих людей было подлинным счастьем встретить на жизненном пути человека с простой русской фамилией и именем - Михаил Михайлович Шмелев. Одни познакомились с ним в школе, другие - в краеведческих организациях, третьи - в туристических походах. Хотя Шмелев не оставил после себя научно-педагогического наследия, но как Учитель, Учитель с прописной буквы, оставил после себя множество учеников, пусть далеко не все они по традиционной короткости нашей памяти вспоминают о нем.

13 ноября 1998 году отмечается столетие со дня его рождения.

Михаил Михайлович прожил долгую жизнь, едва не все печальное двадцатое столетие и для того, чтобы рассказать о ней целиком, мне понадобилось бы написать обширную монографию, средств на издание каковой не найти еще век. К тому же далеко не все подробности жизни Михаила Михайловича имеют документальное обоснование; особенно это касается его педагогической работы и школьного краеведения. Хочется верить, что те, кто непосредственно учился у Михаила Михайловича, напишут в память о нем свою книгу воспоминаний. Эта небольшая книжка в силу необходимости лишь печально краткий очерк биографии Учителя.

Так уж сложилось, что в чреде многочисленных учеников Михаила Михайловича мне довелось стать последним. Наши старые русские традиции предписывали самым младшим заботиться о родителях. Вероятно, по тому же принципу именно мне волею судеб пришлось стать хранителем многих воспоминаний как самого Михаила Михайловича, так и о нем, хотя, разумеется, есть люди, которые знают об Учителе значительно больше, только вот никак не расскажут об этом. Самые первые и самые последние годы его прекрасной жизни легли в основу этого очерка.

При подготовке издания использованы материалы семейного архива Шмелевых, воспоминания Нины Степановны Максимовой, которая почти 35 лет была верной соратницей Михаила Михайловича по краеведческой и туристической работе, его верным другом, Натальи Павловны Смотрицкой. Большая часть архива самого Михаила Михайловича остается недоступной, потому отдельные факты и события жизни краеведа описываются в самых общих чертах. Мне довелось воспользоваться случайно сохранившимися у разных лиц документами и сведениями отрывочного характера. Слова особой благодарности хочется сказать Гурьяновой Римме Тарасовне - племяннице Михаила Михайловича, хранительницы семейного архива, без действенной и весьма настойчивой помощи которой этой книжки не было бы еще Бог знает сколько лет.

Книга жизни, которую написал Михаил Михайлович Шмелев, обширна и богата на события, встречи - с искусством, с хорошими людьми, многие из которых становились друзьями Шмелева на всю жизнь. Увы, многие страницы этой книги оказались вырванными - вспоминать о них было делом небезопасным. И тем не менее стоит перелистать страницы книги жизни Шмелева - это очень поучительное и приятное чтение.

Детство, отрочество, юность

Совсем еще недавно история советского человека начиналась в лучшем случае с дедушки. Далее копаться в своем родовом "проклятом прошлом" просто не рекомендовалось, "страха ради иудейского". Потомок крепостного крестьянина, Михаил Михайлович Шмелев, тщательнейшим образом выстраивал свою биографию. Вероятно, эта тщательность и позволила ему уцелеть в лихолетье двадцатого столетия. Можно ли сегодня приоткрыть загадку жизни этого незаурядного человека? Кто и что скрывались за внешне суровой преданности всем без исключениям измам эпохи? Лучше всего об этом расскажут документы о детстве Михаила Михайловича.

Были Шмелевы крепостными, дворовыми людьми господ Столыпиных, то есть жили и работали при саратовском доме и имениях Столыпиных. Дед Михаила Михайловича мог видеть Лермонтова, ведь бабушка поэта была урожденной Столыпной. "Ноября 7-го дня 1866 года. Свидетельство. По Указу Его Императорского Величества выдано сие свидетельство из Саратовской духовной консистории дворовому человеку господина Столыпина Михаилу Антипову Шмелеву вследствие его прошения и состоявшегося по оному определению Саратовского епархиального начальства в том, что вольноотпущенный сын его Шмелев Аркадий в метрических книгах на 1847 год села Нагорной Нееловки Саратовского уезда в первой части под номером семь записан - значится - рожден 22, а крещен 25 января - Аркадий. Родители его Нееловки господина Столыпина дворовый человек Михаил Антипов Шмелев и законная жена его Татьяна Терентьевна, оба православного вероисповедания". Это свидетельство о крещении Аркадия Михайловича Шмелева, дедушки Михаила Михайловича по отцу, самый старый документ в семье. Бабушка Михаила Михайловича Мария Аркадьевна, в девичестве Красовская.

В официальных биографиях все ограничивалось фразой - "родился в семье почтальона". Михаил Михайлович родился в семье замечательного человека, который своим трудом, своим умом, добросовестностью прошел путь от простого почтового служащего до начальника почтовой конторы первого класса в губернском городе. Сын Саратовский мецанин Михаил Аркадьевич Шмелев окончил на отлично три класса Саратовской гимназии, но, вероятно, не было средств дальше продолжать образование, и он устроился работать на городской почте. Михаил Аркадьевич Шмелев был не только практиком, но и теоретиком почтового дела. Его книжка стала известна в Петербурге, в главном Почтовом управлении и на него, скромного уездного чиновника, не имевшего ни малейших связей в высших сферах, обратило внимание начальство.

Сохранились афиши нескольких любительских спектаклей, в которых Михаил Аркадьевич принимал участие. Играл он вполне серьезные драматические роли и передал свою любовь к театру и сыну. Был Михаил Аркадьевич и общественником. Сохранилось свидетельство о награждении его юбилейным жетоном в благодарность за участие в юбилейном спектакле в честь 300 летия города Саратова, которое отмечалось в мае 1891 года.

Меня всегда поражала удивительная широта натуры Михаила Михайловича, простор его мысли, простор действий. Нам, коренным москвичам, увя, это отнюдь не свойственно. Думается мне, что сказались в этом те необъятные волжские просторы, что

вошли в жизнь Михаила Михайловича еще в детстве "В метрической книге Введенской церкви города Саратова за 1898 год имеется актовая запись за № 40 от 8 ноября о рождении 31 октября у коллежского регистратора Михаила Аркадьевича Шмелева и Любови Васильевны Шмелевых сына Михаила". Это советский вариант метрического свидетельства Михаил Михайлович получил в 1980 году. Собственная его метрика где-то благополучно затерялась. Мать Михаила Михайловича - Любовь Васильевна Богомолова, была купеческой дочерью. Она окончила курс в Саратовской женской гимназии, свидетельство о чем подписал гимназический попечитель Ф.Тимирязев. В законный брак Шмелевы вступили в 1892 году. Кроме Миши у них были дети - Наташа, Вася, умерший в раннем возрасте от туберкулеза и Шура (Александр).

Первый класс юный Миша окончил в Саратовской городской школе (видимо, приходской) в 1908 году. Из детских его впечатлений самым ярким была, конечно, дача. Летом Шмелевы жили на даче Калединых под Саратовом. Ее хозяин Василий Максимович приходился родным братом знаменитому атаману войска Донского Алексею Максимовичу Каледину. Дача носила поэтическое название "Борель". Ныне это санаторий со вполне революционным названием "Октябрьское ущелье". Рядом жил на даче пастор Либорий Георгиевич Бенинг.

В 1907 году Михаил Аркадьевич получил значительное повышение. Его назначили начальником почтово-телеграфной конторы 2-го класса в уездном городке Вольске Саратовской губернии. Сюда же переехала и его семья. Миша поступил в вольское Пушкинское приходское училище, которое с отличием окончил в 1909 году и поступил в вольское реальное училище. В Вольске Шмелевы первоначально поселились в здании старой почты в доме Стадина в горной части города. Потом стараниями Михаила Аркадьевича контора переведена была на Троицкую площадь в бывший дом купца Мельникова и поставлена была настолько образцово, что о ней знали даже в Петербурге, а не только в Саратовском почтовом округе.

Жили в Вольске Шмелевы хорошо и дружно. Среди увлечений была поэзия (сохранились тетради стихов) и театр. "Нет kota в дому, ходят мыши по столу", автор П.С. Такое название носила пьеса, в которой Миша Шмелев дебютировал в роли мальчика Васи на домашней любительской сцене в Вольске, а может быть еще и в Саратове. В семейном альбоме сохранилось ее издание с распределением ролей. Потом последовала роль Африкана Саввича Коршунова в пьесе Островского "Бедность не порок" и многие другие. В городе Вольске был и собственный электро-театр "Модерн", где показывались всякого рода киношедевры. Сохранились афиши этих первых киносеансов. Выступали тут и знаменитости. В бенефис А.И.Чинарова шел "Уриэль Акоста". Труппой (товариществом драматических артистов) руководил В.Ф.Бурлак-Вольский.

С Вольском связано и появление в жизни Михаила Михайловича духовного наставника - священника, преподавателя Закона Божьего в училище отца Александра Ивановича Дмитриевского, переписку с которым поддерживалась еще долгие годы по отъезду Шмелевых из Вольска. Михаил Михайлович был глубоко верующим человеком, но обстоятельства времени вынуждали его изображать из себя атеиста. Уже в старости, как рассказывала мне Нина Степановна Максимова, бывая в сельских храмах, Михаил Михайлович молился, но никогда не осенял себя крестным знаменем, просто было видно, что человек разговаривает с Богом.

В 1914 году Михаил Аркадьевич был назначен на должность начальника почтовой конторы первого класса в губернском городе Владимире. Сюда же переехал и Михаил Михайлович. Во Владимире в 1916 году он окончил Владимирское реальное училище, которое располагалось в нынешнем здании педагогического института. Сохранилась фотография выпуска, где, между прочим, есть изображение однофамильца Михаила Михайловича. Может быть это сын писателя Ивана Сергеевича Шмелева, хотя годы жизни двух Шмелевых во Владимире не совпадают?

Во Владимире Шмелевы жили на Большой Нижегородской улице в доме А.А.Васильева. Хотя Михаилу Аркадьевичу и полагалось жить в здании почты у Золотых ворот, свою квартиру он отдал для расширения конторы, которая пребывала в совершенно запущенном состоянии. Об этом он написал в своих воспоминаниях, которые, увы, едва ли когда-нибудь будут опубликованы.

Пусть Михаил Михайлович прожил совсем недолго во Владимире, но именно этот древний город, его памятники, его зачехленная нетронутость, оказали на Шмелева решающее воздействие при выборе жизненного пути. Действительно, Владимир, даже современный, город совсем особенный, неповторимый. Ходишь по его улицам и кажется, что никогда не уходила наша русская история из этих мест, так сильно въелся во Владимир дух древности.

Москва, Москва!

Осенью 1916 года, а точнее еще летом, юный Миша прибыл в Москву. Отец просил его выбрать институт, где не нужно было платить за обучение. Михаил Михайлович без труда сдал экзамены сразу в два лучших высших учебных заведений второй столицы все еще Российской империи, причем самого противоположного направления. Первый был гуманитарный - историко-филологический факультет Московского все еще Императорского университета, второй - сугубо технический - будущее Московского Высшее Техническое училище имени революционера Баумана. Учиться же пришлось в университете. Тут же неподалеку - на Пречистенском бульваре было снято и первое московское жилье Шмелевых. В 1915 году Михаил Аркадьевич получил назначение на должность помощника начальника почтово-телеграфного отдела Северного фронта, а летом 1918 года его пригласили в Москву. В 1924 году, отмечая свое 40 летие служения по почтовому ведомству, он уже был начальником 1-го отдела Управления связи Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Для поступления в университет Михаил Михайлович в четыре месяца выучил с Николаем Михайловичем Алексеевым, который кончил Владимирскую губернскую гимназию годом раньше, латинский язык и сдал экзамены при Московском учебном округе. Латинь тогда для университетов была обязательна, а реалистам ее не преподавали. Потом она очень пригодилась Михаилу Михайловичу при изучении московских древностей.

Университет той поры представлял из себя редкостный конгломерат политиков, выдающихся профессоров, чутких и умных студентов, которые прекрасно понимали, что с либеральными увлечениями давно пора кончать. Покой родной страны был дороже, но... иначе думали на улицах. За годы учебы Михаила Михайловича университет изменился самым коренным образом. Изменился не только состав профессоров, исчезли из аудиторий иконы, переменялся и состав учащихся. Постепенно исчезал и дух старого университета, который никак не могли защитить его студенты в

боях на улицах Москвы в октябре 1917 года. Об этом не принято писать, но ведь известно, что студенты воевали отнюдь не за красных.

Михаил Михайлович был в самом центре боев - у Никитских ворот, в разгромленном большевистской артиллерией доме князя Гагарина. Пекло тут было ужасное. Как вспоминал сам Михаил Михайлович, он с товарищами оказывал помощь раненым бойцам. С той поры он считал себя участником революции. О стороне баррикад старались не вспоминать... Свидетельством тому стал и такой незначительный вроде бы факт - ни с кем из соучеников по университету он отношений не поддерживал даже после войны, когда социальное происхождение стало не так уж смертельно важным.

Гражданскую войну Михаил Михайлович пережил в Москве, пережил тяжело, хотя отец его и занимал вполне приличную должность с приличным пайком. Работал и сам Михаил Михайлович - в отделе социального обеспечения Моссовета, в феврале 1918 года переведен в некий собез, а в 1919 году на Центральный телеграф. В эти же годы он перенес тяжелейший сыпной тиф - так сказать некий символ революции.

В годы гражданской войны Шмелев принимал и некоторое участие в истории - дважды видел Ленина. Первый раз на площади Свердлова (тогда Театральной), а второй - время его выступления с балкона Моссовета..

О том, как Михаил Михайлович жил в эти сложные годы от революции до войны известно совсем немного. Он много и охотно учился, посещал одну из студий Художественного театра, по некоторым сведениям даже знаменитую Первую, но пока это не представляется возможным уточнить. Тяга к театру брала свое. Михаил Михайлович в зрелые годы никогда не выступал на сцене, но вся его осанка, манера разговора, благородная манера поведения не могли не впечатлять. У него в доме стоял рояль, были любимые ноты, позднее - пластинки. Михаил Михайлович многие годы играл на рояле.

В 1922 году началась его учительская карьера - в 49 школе Сокольнического района. Что-то заставляло Шмелева довольно часто менять места работы в школах. Он преподавал не только историю, но и географию. Создавал в школах туристические кружки, ходил в походы, но сведения об этом сохранились самые отрывочные. НЕ следует забывать, что в те времена беспартийный историк был нонсенсом. Среди памятных событий тех предвоенных лет в жизни Шмелева - его работа в кинотеатре "Ударник" - в должности заведующего культурно-массовой работой. Сей важный объект абы кого в свои объятия не принимал. И, надо полагать, не без помощи сего государственного учреждения, Михаил Михайлович в 1937 году попал преподавателем в святая святых советской педагогики - школу имени товарища Лепешинского. Я записал воспоминания его племянницы, которая училась тут же по протекции дяди, разумеется.

Среди главных учениц Шмелева в этой школе были не внучка Горького Марфа Пешкова или сыновья Булганина и Маленкова. Нет! Михаилу Михайловичу приходилось общаться с сыном самого Берии. Страшнее же всего были две Светочки - дочери Молотова и Сталина. Это может показаться странным, но отметок никому не завывшали и на последнюю страницу журнала, где были указаны должности отцов, учителя заглядывали крайне редко.

Люди познаются в беде, особенно если беда случилась с Родиной. Одни предпочитали Ташкентский фронт, другие - заснеженные поля под Москвой. Михаил

Михайлович к службе был признан негодным подчистую - порок сердца, но он преодолел все, в том числе и бронь престижной школы. Для него война началась в самом страшном месте - Фрунзенской районной дивизии народного ополчения, куда брали можно сказать всякого. Тут довелось узнать Михаилу Михайловичу и то, как можно остановить врага с одной винтовкой на весь взвод, и боевое "искусство" легендарных командиров. Ему очень повезло - остался жив и даже почти цел; ранение было сравнительно нетяжелым. После госпиталя Шмелев попал в войска связи, в которых и закончил Великую Отечественную.

Кстати, во время войны произошла весьма характерная для той поры история. Приблизительно с 1919 года Михаил Михайлович жил с родителями по улице Новая Басманная, дом 31, кв. 11. Это было весьма перенаселенное жилое место. На 4 комнаты временами приходилось до 18 жильцов. И откуда Шмелев воевал, один из соседей написал заявление на его комнату. Тогда другой сосед подал заявление военному прокурору и комнату, где хранились не только вещи, но и ценнейшая библиотека, удалось отстоять. Говорят, что коммунальный вопрос остается одним из самых тяжких в нашей жизни.

Вернувшись с фронта, Михаил Михайлович в школу Лепешинского больше не пошел. Он стал активно заниматься созданием туристических кружков с учениками и во дворцах пионеров нескольких районов Москвы; принимал активнейшее участие в учительском краеведческом семинаре А.Ф.Родина при городском Доме Учителя и вскоре стал признанным знатоком исторического прошлого нашей страны.

Большую работу Шмелев с учениками провел в дни празднования 800 летия Москвы. Проведена была специальная олимпиада исторических сочинений об истории нашего города. Лучшей была признана работа Макса Гангмана по архитектуре города. Между прочим и сейчас целы некоторые работы участников. И читать их - большое удовольствие. Жаль, что работы эти остаются никому в истории нашего города не нужны.

Друзья-туристы.

Весной 1921 года в жизни Михаила Михайловича произошло одно важное событие. Вроде бы рядовая экскурсия стала поводом для основания клуба учителей туристов-краеведов имени Александра Феофистовича Родина, который существует и по настоящее время. Михаил Михайлович был его основателем и руководителем вплоть до кончины - 61 год! Понятно, что сейчас клуб можно сказать никого не интересует, а ведь было время, когда на его заседаниях собиралось по несколько сот человек.

Произошло рождение клуба при обстоятельствах достаточно романтических. Шмелев вместе с несколькими учителями московских школ и соучениками по университету отправился на экскурсию в знаменитое имение князей Вяземских Остафьево. Далеко отъезжать от Москвы в те времена было еще опасно. В бывшем имении располагался историко-бытовой музей, хранителем которого являлся недавний владелец - представитель рода графов Шереметевых, Павел Сергеевич. Имение это избрал в качестве собственной дачи нарком просвещения республики советов А.В.Луначарский. В пору, когда нарком был на даче, музей считался закрытым "по техническим причинам". Экскурсантов в главный усадебный дом не пустили. Тогда одна из раздосадованных дам заявила, что знакома с бывшим владельцем. Благодаря этому

обстоятельству юные посетители были допущены в музей, чему, понятно, были несказанно рады. Более того, им удалось лицезреть самого наркома. Он как раз играл партию в бильярд. При встрече со студентами Анатолий Васильевич им поклонился. Позднее Михаил Михайлович, рассказывая об этой встрече, непременно говорил, что сам Луначарский благословил его туристическое начинание.

Двадцатые годы не случайно считаются у нас золотой порой в истории отечественного краеведения. В те времена действовали значительные краеведческие силы и краеведение было наукой, а не любительским занятием. Михаил Михайлович учился этой науке у профессора университета Михаила Михайловича Богословского, крупного историка, академика. Богословский предлагал Шмелеву поступить к нему в аспирантуру, но... Формально Михаил Михайлович объяснял свой отказ не любовью к сидению в архивах. Однако мне он показывал огромное количество материалов по истории города и области, извлеченные им из архивов всякого рода, причем теперь далеко не всем доступным. Дело было совсем в другом. Во-первых, будущий аспирант Шмелев не имел в кармане партийной книжки, а во-вторых, всеми фибрами души ненавидел он "краеведиус вульгариус", который требовал обязательного пролетарского обоснования каждого чиха по поводу проклятого дореволюционного прошлого, а равно и громкого рева по поводу "нашей прекрасной действительности". К тому же история в те годы имела тенденцию меняться едва ли не ежегодно.

Михаил Михайлович сосредоточился на изучении исторического прошлого Москвы и области в краеведческих организациях. Он был постоянным посетителем общества "Старая Москва", но докладов в нем делать не решался (по-крайней мере, в протоколах общества его выступления не нашли отражения).

Состоял Шмелев и членом общества изучения русской усадьбы (ОИРУ); бывал на всех его заседаниях, принимал участие в обследовании Кускова, на которой, как известно, члены общества отработывали методику изучения комплекса памятников усадебной культуры. Рассказывал мне Шмелев о том, как члены общества ездили в Белкино. Знаменитая усадьба была разгромлена еще не до конца. В одной из комнат на полу была свалена куча книг из усадебной библиотеки. И вот чистота нравов - каждый экскурсант взял себе на память по одному томику, украшенному экслибрисом хозяев усадьбы. Остальное, надо думать, крестьяне использовали более продуктивно...

Владимир Васильевич Згура - основатель и первый председатель общества сел за рояль. Он был очень музыкален. Одна из дам в экскурсионной группе была одета в белое. Она изобразила из себя знаменитую белую даму - родовое усадебное привидение, являвшееся владельцам при всяком не очень хорошем поводе. Ах, стоило ли будить сей недобрый дух? Вскоре Владимир Васильевич трагически погиб. Кстати, причиной его гибели косвенным образом послужила косность тогдашней советской исторической науки. Она раскрылась при защите Згурой диссертации. Нервы были перенапряжены, и ему пришлось взять отпуск и уехать в Крым вместо любимого Подмосковья. Об этом рассказала мне Алла Николаевна Лужецкая, Згуру хорошо знавшая, равно как и обстановку творившуюся вокруг молодого и очень талантливого ученого.

За участие в ОИРУ вскоре после его "добровольного" роспуска давали "вышку". Так погиб второй председатель общества - Алексей Николаевич Греч. Михаил Михайлович по собственной воле никогда об ОИРУ не рассказывал. Когда я готовил доклад об обществе, мне неоднократно приходилось задавать ему вопросы, прежде чем

услыхать ответ. В своей уникальной библиотеке он сохранил план экскурсий общества, но только ту часть, где шла речь о конкретных усадьбах. Все остальные страницы были тщательно вырваны.

Михаил Михайлович ни при каких обстоятельствах не прекращал занятий туризмом и краеведением, хотя о последнем в 30-е годы лучше было не упоминать. До войны он совершил несколько очень интересных путешествий - по Волге на пароходе, по Кавказу. Ему удалось побывать в очень глухих местах, куда нога цивилизованного советского человека вступала крайне редко. Еще до войны Михаил Михайлович создавал группы ребят и водил их в туристические походы. Разумеется, рассказы о проклятом прошлом разбавлялись обязательными рассуждениями о колхозной действительности, но Шмелев всегда умел выбирать себе в ученики людей умных, способных различить подлинное и поддельное.

В сборнике "Историки и краеведы Москвы" в статье об Александре Феоктистовиче Родине я почему-то не нашел сведений о его знаменитом семинаре при Московском городском Доме Учителя. А ведь работа этого семинара была не только просветительством, это был настоящий подвиг во имя Москвы. Педагоги, большинство из которых до войны не имело и права мечтать об изучении старой Москвы, получили благодаря этому семинару легальную возможность возвратиться к историческому краеведению, возродить литературное и иные направления краеведческой работы. На семинаре выступали очень интересные люди - Андроников, Игнатъев, многие другие. Об этом рассказывали мне многолетние посетительницы семинара - Н.С.Максимова и Х.М.Шапиро. Обе они говорили, что обширный зал Дома Учителя всегда был набит битком.

Михаил Михайлович присоединился к работе семинара сразу по возвращении с фронта. Привлек он к работе и своих учеников - из 313 школы, из Куйбышевского районного дома пионеров, где им был создан туристско-краеведческий кружок, председателем которого был один из любимых учеников Михаила Михайловича - Рудольф Карлович Клиге, ныне известный ученый, доктор географических наук. Ученики Шмелева заняли призовые места, хотя на конкурс школьных работ по истории города было представлено около 25 тысяч сочинений.

Именно после войны Михаил Михайлович заложил основу своего уникального собрания, посвященного памятникам Московской области. Он вел эту работу целенаправленно, еженедельно совершая походы и экскурсии, открывая все новые и новые объекты. По сравнению с известным двухтомником, у него было взято на учет памятников области еще примерно на два таких же тома. Я говорил с одним известным историко-архитектурным семейством в пору моей службы в институте "Спецпроектреставрация" о включении в предлагавшееся переиздание материалов Шмелева. "Только без указания фамилии", - последовал ответ великой ученой дамы, которая не пожелала пачкать свою ученую честь о какого-то там краеведа.

Что же осталось нам от Шмелева-историка Москвы? Во-первых, два уникальных музейных комплекса по Бауманскому и Первомайскому району, всей восточной части города, каковые сегодня, увы, остаются недоступны для обозрения. Во-вторых, комплекс изобразительных и архивных материалов по истории города, каковой также не может быть использован из-за сложностей в работе музея истории педагогики

города. В-третьих, это комплекс материалов по истории Московской области, прежде всего памятников церковной архитектуры и усадебной культуры, находящийся также в музее педагогического труда. В-четвертых, это педагогическая система изучения и пропаганды среди школьников краеведения - от истории собственного дома и улицы до истории всей страны.

И, наконец, последнее. Хотя Михаил Михайлович был страстным устным пропагандистом истории Москвы и Подмосковья, тем не менее после войны он стал немножко писать об истории города. Уже в самые последние годы жизни он хотел обобщить все свои туристические маршруты по Московской области в одну книжку, много раз брался за ее написание, привлекая к себе в соавторы то Н.С.Максимова, то Р.К.Клиге. Семейные обстоятельства, а потом и нездоровье помешали выполнению этого намерения.

Занимался Шмелев и изучением отдельных памятников города. Так, он первым исследовал известную доску белого камня на московском историко-архивном институте - она была написана на кухонной латыни. Михаил Михайлович сам, не без труда сделал перевод, исследовал причины появления этой загадочной доски. Сочинение свое он, как водится, отнес в общественную организацию - новоявленное тогда общество охраны памятников, в его городское отделение. Экземпляр у сочинения был почему-то один, вопреки привычкам Шмелева все печатать (непрерывно собственноручно!) в пяти экземплярах через один интервал.

Как удалось мне выяснить, при переезде общества из колокольни Знаменского монастыря в дом Телешова около сотни килограмм якобы устаревших документов были обменены на "королеву Марго". Увы, сия дама сожрала тогда немало ценнейших архивов и библиотек.

Надо полагать, что письменное наследие Михаила Михайловича - историко-краеведа еще будет доступно. И в его архиве найдутся и другие сочинения научного характера.

Существует и еще одна сторона деятельности Шмелева, о которой напоминают памятники и историческая застройка нашего некогда прекрасного города. В уже упоминавшемся сборнике "Историки и краеведы Москвы" с какой-то поразительной дотошностью вырезано все, что касается активной борьбы краеведов за сохранение нашего города от сноса - сидели эдакие дяденьки в библиотеках и архивах, штаны протирали, книжки сочиняли. Даже бедный В.Д.Маркевич, который всю жизнь носился с идеей, что он является основателем исторической секции городского отделения общества охраны памятников, где он работал штатным консультантом, и тот был лишен этого важного момента своей биографии. А ведь Маркевич, при всех его не всегда хороших качествах, в это время смог реально отстоять от сноса несколько московских домов, что много дороже для города работы его кружка.

Это же относится и ко многим другим персонажам сборника. Не стал исключением и Шмелев. Позволю себе небольшое отступление по поводу памяти о Михаиле Михайловиче. Вышло уже два выпуска пресловутого сборника "Краеведы Москвы". Кто только не оказался среди сего уважаемого ныне племени и рода. Не было только Шмелева. Ну, конечно, он "не коммунист", писать про него нельзя. Это типичное оправдание составителей подобного рода изданий.

Вышла недавно энциклопедия с неожиданным названием "Москва". Название у нее неожиданное, поскольку как-то не вспоминаешь о нашем городе при ее чтении, все думаешь об "этом". Я написал для этого издания статью о Шмелеве, отдал лично в руки зав.редакцией В.М.Кареву. На сочетание ШМ я нашел множество имен знакомых, но основателя первого общественного музея района Москвы - нет. Уже потом, в издательском коридоре мне порекомендовали соотнести фамилии на титуле с теми, что нужно было поместить на сочетание ШМ. Сразу стало ясно для кого в конце книги освободили место. Но это все так, отступления, без каких-либо обид. Это типичное проявление того, что считается современной культурой.

Заслуга Михаила Михайловича в сохранении памятников и исторической застройки нашего города огромна. В середине 60-х годов, когда дорогом государству понадобилось создать буфер между собою и активной общественностью, было придумано общество охраны памятников. В первое время на него возлагались большие надежды. Михаил Михайлович был введен в состав его оргкомитета постановлением Совета Министров РСФСР. В оргкомитет вошли такие уважаемые люди, как Л.М.Леонов, П.Д.Корин, некоторые другие. И я очень гордился своим Учителем, что и его имя оказалось среди таких достойных людей. Только после того, как мне довелось прочитать все бумаги Шмелева о его выходе из состава общества, я понял, что гордиться особенно было нечем - и ему, и мне.

Однако, Михаил Михайлович не брезговал никаким способом, никакой организацией, когда нужно было сохранять памятники. Он вошел в президиум Бауманской районной организации ВООПИиКа и стал заниматься вместе с Аллой Николаевной Лужецкой обследованием зданий, подлежащих сносу. Я читал эти нескончаемые списки, за каждым из которых стоит дом дореволюционной постройки, со своей, подчас уникальной историей. Вот фрагмент из его отчета за 1975 год. "Принял участие в составлении статьи о необходимости сохранения дома № 36 по ул. К.Маркса, связанного с именем А.С.Пушкина и дома № 23 по той же улице, связанного с декабристами Муравьевыми-Апостолами (это будущий недолгий московский музей декабристов), подписанной секретарем парткома ЖЭК №10 Зориным В.В., пред. профкома Воропаевой Л.И. и мной и посланной в газеты "Литературная Москва", "Правда" и секретарю Бауманского РК КПСС Макееву, за что получил от Рака (зав. отделом культуры района) словесное оскорбление". И такая борьба была каждодневной, и бедным ракам все время приходилось обороняться от общественности, которая хоть не мытьем, так катаньем ухитрялась спасать пусть и крохи старой Москвы. Стоит ли об этом забывать сегодня?

Проклятый музей

Жила была на окраине Москвы одна прелюбопытная дама из древней благочестивой старообрядческой семьи Рябушинских. Звали ее подобающим образом - Евфимия. Правда, ни благочестия, ни иных положительных качеств в жизни этой дамы не было. Зато были скандалы, англоманья и жажда славы. В полном соответствии с модой начала века решила она стать Третьяковым в юбке и стала собирать старые дворянские портреты и очень в этом преуспела. Большая часть ее собрания в сегодняшней экспозиции Третьяковки. Так что с Третьяковым дама почти сравнялась. Только вот под портретами нет указаний о том, что оные были реквизированы

большевиками из музея на Введенской площади. Так первый раз появилось слово "музей" в доме Носовых.

Евфимия Павловна, по мужу Носова, кончила жизнь в эмиграции. В России, помимо богатств, она оставила прекрасно отделанный дом-музей и коллекцию картин, а с ними вместе, вероятно, оставила Евфимия и свое проклятие дому, потому что какое бы дело в нем не начинали, все кончалось неудачей. Именно здесь, а не по другому адресу, как пишут историки революционного движения, была провозглашена советская власть в Благуше-Лефортовском районе. Что стало с этой властью - общеизвестно. Даже мемориальной доски на доме по этому важному поводу повесить не смогли. Размещались здесь многочисленные советские учреждения, был дом комсомольца и школьника Первомайского района - школьники пока остались, а с комсомолом трудности. К несчастью, именно в этом доме разместился краеведческий музей, созданный трудами и заботами Михаила Михайловича - существование свое прекративший. Был тут еще один музей, совсем иного направления, чем созданный Шмелевым, но и он канул в Лету. Был монархический центр-музей, в котором принимали одну из прекраснейших претенденток на престол Романовых, но и монархисты вылетели в одну из труб этого проклятого дома. Теперь в нем сидит некая фирма, надо думать, не самая бедная, но сможет ли она снять проклятие с дома и не разориться? Большой вопрос....

Михаил Михайлович пришел сюда в конце 1950-х годов. В 1949 году он создал туристско-краеведческий кружок и кабинет краеведения и туризма при 425-й Московской школе. Вместе с учениками ходил он в походы по Московской области, совершал экскурсии по Москве. Бывали выезды и в самые отдаленные уголки бывшего Советского Союза. Когда-то в доме Михаила Михайловича на стене висела карта страны, где красной линией были обозначены маршруты его путешествий. Сколько тысяч километров проехал он - сказать не берусь. Знаю лишь одно - Михаил Михайлович отличался редкостной дотошностью и километраж своих путешествий когда-то вымерял очень тщательно. Так, 200 километров от Луги до Сланцев в 1960 году его группа прошла пешком. Первым председателем этого кружка был Николай Васильевич Наумов, ныне преподаватель МГУ, кандидат исторических наук.

Позволю себе одно маленькое отступление. Оно касается педагогических приемов Шмелева. Они были очень для него характерны, хотя и выглядят сегодня неким педагогическим анекдотом. Покойная Татьяна Борисовна Шергина, известная путешественница, историк, учившаяся у Шмелева перед войной, происходила из семьи курного военного. Понятно, что семья не бедствовала. И однажды Татьяна Борисовна пришла в школу в сережках с маленьким бриллианчиком - она показывала, какой камешек был крохотный. Шмелев был ее классным руководителем и без особых колебаний выгнал бедную Танечку из школы. Родителям пришлось объясняться, а девочке забыть о сережках. "А вот теперь он мне руки целует и все забыл", - закончила она свое печальное повествование, которое я услышал на одном из ее докладов в клубе имени А.Ф.Родина, возглавлявшемся Михаилом Михайловичем. Татьяна Борисовна отлично усвоила уроки историка Шмелева, немало сделала не только для изучения, но и для сохранения прошлого нашей страны. Вторую историю рассказала мне Нина Степановна Максимова - если в походе или поездке ученик нарушал распорядок дня, например, отправлялся без разрешения купаться, Шмелев без

лишних разговоров просто и доходчиво оставлял его без обеда или ужина. Уроки Михаила Михайловича всегда носили наглядный характер. Это я знаю и по себе. Когда я пришел к нему в дом в пору занятий историей Бауманского и Первомайского районов, Михаил Михайлович сразу взял меня в оборот - возил с собою на лекции, заседания, просил писать всякого рода деловые бумаги. Принцип был старый - выплывешь, поплывешь.

В 1961 году Михаил Михайлович вместе с учениками собрал в школе настолько большое количество материалов по истории восточной части Москвы, что все это нужно было оформить надлежащим образом. В те строгие времена о музеях на общественных началах, то есть формально не государственных, никто и слыхом не слышал. От проклятого прошлого все еще разило душком; великий Никита проводил очередную безбожную пятилетку, с той лишь разницей, что попов при ликвидации храмов не вешали без особой надобности. Так что в той ситуации беспартийному педагогу стоило большого труда добиться формального согласия на открытие музея. Михаил Михайлович был хитер необыкновенно. Явно не без черного юмора, он преподнес свой музей очередному, 22, съезду любимой партии. Отказаться от такого подарка было весьма затруднительно. Ведь в музее были собраны обширнейшие материалы не только о "проклятом прошлом", но и уникальные революционные реликвии, материалы о подвиге жителей района в годы Великой Отечественной войны. Богатства музейные были просто колоссальны. Рука у Михаила Михайловича была легкая и вещи буквально сами плыли к нему.

Да, музей был оформлен немного на сельский лад; среди экспонатов попадались вещи и явно не музейного характера, к примеру, модель средневекового замка или московского Кремля, но все это вызывало такой неподдельный интерес у посетителей, прежде всего у школьников, так что мало кто мог бы решиться выкинуть из музея все его наивности, ведь рядом были вещи совершенно уникальные. Так, Шмелеву были отданы мебель и часы из дворца Лефорта Петровских времен. Уникальным было собрание фотографий старой Москвы. Были среди них и негативы на стекле. Михаил Михайлович несколько раз повторял, что это найденские материалы. Впрочем, стекло бьется... Был составлен полный каталог музейного собрания, насчитывавший 144 страницы! Предполагалось, что Исполком райсовета найдет несколько сот рублей на его издание, но это чиновники почли лишним.

Вот некоторые официальные цифры. На момент изгнания Михаила Михайловича в музее насчитывалось 12 тысяч единиц хранения в девяти экспозиционных отделах и фондах. В библиотеке музея было собрано 5 тысяч уникальных книг по истории Москвы и всей России. Ежегодно музей посещали 30 тысяч человек. Чтобы довершить рассказ о сокровищах музея, могу сказать о найденных Риммой Тарасовой Гурьяновой среди остатков бумаг Шмелева три подлинных фотографии из знаменитой парижской коллекции Онегина-Отто. Она отдала их мне для того, чтобы пристроить в музей или архив. И тут сработало старое проклятие дома Евфимии. Пушкинский дом, где хранится онегинская коллекция, отказался принять эти материалы на основании того, что это те фотографии.... Документальное подтверждение тому у меня имеется.

На этих страницах я не смогу рассказать о той огромной работе, что проводилась Михаилом Михайловичем в первом московском общественном музее.

Достаточно сказать, что он стал методическим центром для остальных общественных музеев не только Москвы, но и области. Х.М.Шапиро, старейшина московских краеведов, рассказывала мне, как совет будущего музея Дзержинского района приезжал к Шмелеву и как он много рассказал и помог им. В качестве многолетнего действительного члена Русского Географического общества Михаил Михайлович работал с общественными музеями Московской области. Об этом рассказывали мне многие старые краеведы в самых разных уголках нашей Московской земли.

Понятно, что такая активная работа не могла не раздражать исполнительные власти Первомайского района. Дали ведь здание, выделили одну штатную единицу директора с мизерным окладом. Чего еще надо? Спите спокойно, дорогие краеведы. Увы, Михаил Михайлович на работе спать не умел. Он активно боролся за сохранение памятников восточной части Москвы, был среди тех, кто писал письма во всякого рода инстанции - от "Вечерки" и до ЦК и партийных съездов, что, понятно, не позволяло разойтись районным архитекторам да и бедному чиновничеству выпастись не позволяло. Тогда ведь в месячный срок на всякое обращение гражданина полагалось дать ответ, пусть даже отписку.

Беспокойный был музей Первомайского района, вот и решило чиновничество сделать сие заведение по известному стиху - "И такие Гоголи, чтобы нас не трогали". Краеведов меняли на более спокойных. Приведу самые краткие выдержки из документов, посвященных закрытию музея и изгнанию из него Шмелева. Полагаю, что рассказать об этом в дни столетия Шмелева - мой долг. Ведь Михаил Михайлович был самым гнусным образом оболган в глазах московской краеведческой общественности той поры и при всяком разговоре о музее знающие люди говорят - что-то там было нечисто... Да, были мудрые чиновники. Михаил Михайлович отбивался со всею силой; писал он письма в самые разные инстанции, вплоть до Верховного Совета СССР. Общее содержание их отражено в письме в Московский Городской Комитет Народного контроля.

"В преддверии Великого Праздника 60-й годовщины Великого Октября разгромлен Народный музей краеведения Первомайского района, созданный в 1949-1961 г.г. учащимися 425-й школы Первомайского района и ветеранами революций 1905 и 1917 года Бауманского, Куйбышевского и Первомайского районов и подаренный ими району в дар к 22 -му съезду КПСС!....."

Музей за все время своего существования с 1961 по 1977 год обслужил несколько десятков тысяч человек и взрослых, и школьников Первомайского, Бауманского, Куйбышевского и других районов Москвы.... Руководитель создания музея, учитель 425-й школы - Шмелев М.М. был награжден орденом Трудового Красного Знамени, знаками "Отличник народного просвещения", "За отличную работу Министерства культуры СССР".....

И вот теперь, когда вся страна готовится к величайшему торжеству в связи с приближающимся праздником 60-летия Великого Октября, когда и Совет музея составил план выставки, посвященной этой дате, современные "Геростраты" в Первомайском районе: Кислова и Ульянова из РК КПСС и их исполнитель из Исполкома - зав. отделом культуры В.А.Мацкевич решили нанести удар музею и его Общественному Совету к этой знаменательной дате в истории страны.....

Выбор исполнителя этой диверсии - Мацкевича, "был удачен", так как он давно охаивал музей, говоря, что он оформлен не на современном уровне, а сам не предпринимал никаких стараний, чтобы найти шефов музея и привлечь средства для лучшего оформления музея, называл Совет музея "хунтой", на заседаниях Совета вел себя высокомерно: говорил повышенным тоном, требовал, чтобы все делалось только с его согласия, не считаясь с мнением Совета музея."

После обращения Совета музея и ветеранов КПСС Первомайский Исполком вынес решение от 22/12 1976 г. за №51/17 в котором на г-на же Мацкевича и были возложены конкретные меры по улучшению состояния работы музея, но..... Вот, что пишет по этому поводу М.М.Шмелев: "И вот по этим решениям Исполкома Мицкевич "не ударил палец о палец", ничего не сделали и тов. Крыгин (зам. председателя Исполкома) и Пименова (секретарь Исполкома) - не контролировали эти решения, поэтому все они "Повисли в воздухе". (подписал решение председатель Исполкома В.И.Помазков - большинство чиновных душ в документах Шмелев не находит нужным называть по именам и отчества, достаточно фамилией, как неодушевленным предметам - А.Б.) Сознавая свое бессилие в выполнении принятых Исполкомом решений и пользуясь покровительством в Райкоме Кисловой, Дудник и Ульяновой, Мацкевич решил иначе - разделаться с музеем - просто его уничтожить - вот вам, граждане трех районов, получите и вы теперь от меня "подарок" к Вашему празднику, 60 летию Октября!

Мацкевич ничего не выполнил из порученного ему решением Исполкома, но выполнил поручение своих покровителей из Райкома: отобрал ключи от музея у Совета музея и под предлогом срочного ремонта помещения музея решил вывезти куда-то в подвалы наиболее ценные экспонаты музея, а что ему казалось ненужным в музее - он уничтожил: макеты средневекового замка и московского Кремля, стенды, посвященные Бауману, Пушкину, Лермонтову, настенные стенды, посвященные истории революционного движения в районе". Письмо датировано 15 сентября 1977 года. Ответа, а не отписки, как и следовало ожидать, не последовало.

Все эти "явления общественной жизни" были засвидетельствованы актом за подписями консультантов городского отделения ВООПИиК Коробцевой Е.В. и Барановой С.Ф. - людьми, которые немало сделали реального для сохранения нашей Москвы. По акту были посланы письма в разного рода инстанции. Начальник Главного управления культуры Мосгорисполкома В.С.Ануров сочинил письмо секретарю Исполкома Моссовета Покаржевскому Б.В. Озабоченность проявили все, к кому Шмелев и общественность района обращались с письмами, но "воз оказался и ныне там" (исполнитель письма Чернецова, чьей "труд" Шмелев назвал "собранием сплетен"). В результате было принято решение об утверждении нового состава Совета музея, в который его основатель введен не был. Мацкевичи торжествовали.

Трудно сказать, какую роль играла во всем этом штатный директор музея Г.А.Павлова. Так или иначе, она из музея благополучно была убрана. Придрались к тому, что она распространяет билеты "Спортлото" в неустановленном месте, хотя письменное разрешение на торговлю у нее было как раз на "запрещенной" станции метро "Электрозаводская". Она не понимала, что музей подлежал полному вычищению. В письмах в разные инстанции Михаил Михайлович пишет, что 16 июля 1976 года

музей обворовали. Явно специально не был оплачен телефон и не заключен договор с вневедомственной охраной, чем и воспользовались почему-то и кем-то осведомленные люди.....

Сам я хорошо помню, что в то время в части музейного дома располагался Дом комсомольца и школьника Первомайского района. Стены его в большом количестве украшали картины художников, преимущественно иностранных, если судить по подписям, а часть из них я даже скопировал от делать нечего во время очередного заседания комсомольского штаба. Тогда картины такого рода ценились мало и не признавались за музейные экспонаты, учета их фактически никто не вел. Так вот после некоторого перерыва прибыл я на очередное заседание и увидел, что большинство картин весьма грубо вырезаны из рам. Теперь-то они проданы за хорошие деньги - реалистическая живопись конца 19 века хорошо ценится.

Прошло 20 лет с того печального дня, когда Шмелев был выгнан из созданного им музея. И если читатель этой книжки во время празднования 100 летия Михаила Михайловича скажет хоть одно доброе слово о тех, кто назван в документах о музее Первомайского района "Геростратами", просто вспомнит о них - этих пустых и бездушных бумажных людях, память о которых зафиксирована только в документах, но отнюдь не в человеческой благодарной памяти, это будет делом достойным.

А жизнь продолжается...

Если бы знали бедные мацкевичи, что не на того напали, то, вероятно, оставили бы Шмелева в покое. Он ведь и не таких умников умел перехитрить. Дело в том, что у Михаила Михайловича дома была припрятана бомба замедленного действия - еще один краеведческий музей. На сей раз Бауманского района, еще более древнего, чем Первомайский. Материалов было собрано не на одну экспозицию. Уже в апреле 1978 года Михаил Михайлович начинает бомбардировку бедного председателя Бауманского Исполкома В.М.Касьянова. Понятно, что тот не выдерживает натиска и.... появляется Решение № 14/18 от 4.4.1979 года о создании музея Бауманского района. Об этом, последнем этапе жизни Михаила Михайловича, я знаю уже не по понаслышке. Сам ходил по партийным и исполкомовским кабинетам, выслушивал всякого рода гадости и от больших чиновников, и от маленьких типа Анастасии Яковлевны Давыдовой - ответственного секретаря Бауманского районного отделения ВООПИиК. Она вместе с председателем совета районного отделения А.И. Руты сделали все для того, чтобы Михаил Михайлович покинул общество охраны памятников, некогда созданное при его непосредственном участии. В Центральном Совете сей важной когда-то организации этот печальный факт никого не взволновал. Кстати, ушел Шмелев не один, а вместе с Аллой Николаевной Лужецкой, кандидатом искусствоведения, ученицей профессора А.И.Некрасова, соратником И.Э.Грбаря в деле охраны памятников, каковой она занималась еще в годы войны. Они были с Аллой Николаевной очень дружны. Хотя занимались в одном университете, до войны ходили в одни и те же общества, но познакомились только в середине шестидесятых.

Давыдова и Рута отомстили Михаилу Михайловичу самым бессовестным образом. При самом непосредственном участии Михаила Михайловича был подготовлен путеводитель по памятникам Бауманского района. Алла Николаевна Лужецкая говорила, что Шмелев и написал его большую часть. Сохранился даже протокол обсуждения

текста путеводителя, подписанный Шмелевым, но...районные власти страха ради иудейского сочли Михаила Михайловича эту книгу "не писавшим".

Постановление о создании музея было принято. 25 ноября 1978 года состоялось, как писал Михаил Михайлович, "историческое заседание" по созданию народного музея Бауманского района. Среди тех, кто помогал ему в этом важном деле были прекрасный фотограф Ю.А.Аргиропуло, Ю.О.Левитин, Ф.А.Рогозина. Я сам составил обширный список людей, которые готовы были безвозмездно работать в музее, но... Нашелся господин с весьма симпатичной фамилией Рак, музею явно не симпатизировавший. Завотделом культуры Бауманского райисполкома Д.Т.Рак положил материалы о музее "под сукно". "Дело" его продолжили З.П.Бойко, сменивший Рака, а потом зампред исполкома Борис Васильевич Мартыненко, возглавивший инициативную группу по подготовке будущего музея. Вероятно, сукно на столе тов.Мартыненко было бронированным, так как ничего не могло пробить сего чиновника. Михаил Михайлович писал письма на очередной съезд партии, со мною вместе и один ходил на прием в райком, а он тогда уже плохо видел, но..."Мнение было - не созрели". Был и формальный повод - не освобождены две комнаты в обширном доме по улице Карла Маркса (теперь опять Старой Басманной), который известен как путевой дворец Василия Третьего, каковым являлся его первый этаж. Второй же этаж был идеальным для небольшого краеведческого музея. И в этом случае, как говорится не на того напали. Михаил Михайлович был многолетним членом домкома ЖЭКа №10 дома на Новой Басманной, где он жил. Любовь Игнатьевна Воропаева, председатель домкома, сказала, что все устроит. И действительно, руководство ЖЭКа написало письмо в Исполком о том, что готово временно отдать отдельно стоящий дом, где располагались кружки и красный уголок ЖЭКа для нужд музея, а помещение это было вполне прилично, но... Исполком отдал его главному художнику района. Думаю, что не последнюю роль во всем этом деле играл тогдашний первый секретарь райкома партии С.А.Купреев. Надо сказать, что старые дома умеют мстить, видимо, их древним хозяевам-домовым дана большая сила. А что говорить, если домовой дворца несостоявшегося музея Бауманского района встречался с самим Иваном Грозным. Уже после смерти Михаила Михайловича, который так и не дождался открытия музея, подумалось мне - неужели никому из его обидчиков не будет на земле возмездия? И что же - несколько лет спустя в городских газетах появляется... некролог Купрееву. Из секретарей его сделали большим милицейским начальником, и он "трагически погиб" в катастрофе.

Я, как и многие ученики Михаила Михайловича, прекрасно понимаю, как безмерно много сделал он непосредственно для каждого из нас, но в чем же значение Шмелева-краеведа и общественника? Он жил в то нелегкое время, когда от прошлого старались оставить только тень. Собранные вместе десять фотографий храмов могли вызвать подозрение у соответствующих органов еще в середине 1970-х годов. Михаил Михайлович с 1921 года и до последнего дня своей долгой жизни вел неустанную устную пропаганду исторического прошлого Московской земли, всей тысячелетней истории России. "Не утерять веков связующую нить". Этой нитью между веком 19-м и можно сказать 21-м и стал Михаил Михайлович, воспитанный на исконных русских традициях и передавший их будущим поколениям.

Михаил Михайлович отличался не слишком хорошим здоровьем. У него был врожденный порок сердца, букет иных болезней, из-за которых он признан был негодным к службе в армии и которые все сам он смог преодолеть неустанными занятиями физической культурой и туризмом. До 80 летнего возраста он без особого труда проходил в день по 30 километров на лыжах, совершал длительные пешие путешествия. Жена Михаила Михайловича - Ирина Ивановна, рожденная Семенова, дочь солдата, жившего в селе Гостешево Тарусского уезда Калужской губернии, училась вместе с будущим мужем в университете. Она умерла еще до войны. Детей у них не было. На старости лет Михаила Михайловича постигла тяжелая житейская драма, подорвавшая его здоровье...

Последние годы его жизни скрашивала племянница - Римма Тарасовна Гурьянова. Балерина, солистка Саратовского оперного театра, балетный педагог, она переехала в Москву к Михаилу Михайловичу. Римма Тарасовна преданно ухаживала за дядей, стала хранительницей памяти о нем; собирает ежегодно его последователей. Она стала организатором празднования столетия Михаила Михайловича.

Надо сказать, что Шмелев мало заботился о себе. Все его мысли были направлены на общественное благо. В самые жуткие морозы ходил в походы довольно легко одетый. Именно тогда он и застудил ноги, что позднее способствовало образованию у него тромбов. В последние дни жизни один из них оторвался и частично закупорил кровоснабжение головного мозга, что вызвало потерю памяти. И даже в этом состоянии Михаил Михайлович говорил Римме Тарасовне, что ему удалось увидеть каких-то школьников, применяющих новые формы общественной работы. Шмелев просил срочно сообщить об этом в РОНО. Умер он 9 ноября 1982 года в 9 часов 30 минут утра.

Михаил Михайлович любил старые московские кладбища, прежнюю старинную кладбищенскую культуру, редкостным знатоком которой был. И потому очень отраднo, что приняли его в свою землю древние Введенские горы, так когда-то называлось Немецкое кладбище, среди обитателей которого немало тех, чью жизнь и судьбу помним и чтим мы благодаря неустанной заботе Михаила Михайловича Шмелева - историка Москвы, учителя, человека.

Много раз задавал я себе вопрос - что может стать достойным памятником Михаилу Михайловичу Шмелеву? Ведь люди живут до той поры, покуда на земле есть хоть один человек, их помнящий. Увы, постепенно ходят из жизни уже и ученики Шмелева. Мне думается, что зримой памятью об Учителе должна стать книга рассказов об истории Измайлова, любимого Михаилом Михайловичем уголком прежней Москвы, которую он не только любил и знал, но и приучал любить и изучать других.

А.В.Буторов. Михаил Михайлович Шмелев. Страницы жизни педагога, историка Москвы, человека. Издание автора. Тираж 957 экз. Подписано к печати 22.11.1998 г.

Объем 1,41 уч.изд. п.л. Типография ТОО ТЦ. Москва. 1998

© Буторов Алексей Вячеславович.

Настоящее издание было подготовлено в очень короткий срок, т.к. не был решен вопрос его финансирования. В связи с этим в книге встречается ряд опечаток. Автор приносит читателям свои искренние извинения.